

*С.В. Потрашков
S. V. Potrashkov*

**«ТРУДНО БЫЛО ПРИНИМАТЬ ИХ
ЗА СОЮЗНИКОВ НАШИХ»:
РУССКИЕ УЧАСТНИКИ ЗАГРАНИЧНЫХ ПОХОДОВ
1813–1815 гг. О СВОИХ СОЮЗНИКАХ**

**«IT WAS DIFFICULT TO ACCEPT THEM AS OUR ALLIES»:
RUSSIAN PARTICIPANTS OF FOREIGN CAMPAIGNS
1813–1815 ABOUT THEIR ALLIES**

В статье рассматривается оценка русскими офицерами своих союзников по антинаполеоновским коалициям – австрийцев, пруссаков, армий других германских государств. Она базируется на дневниках и мемуарах участников Заграничных походов 1813–1815 гг. Отмечается более дружелюбное отношение к пруссакам, в то время как с австрийцами возникали конфликты и имела место враждебность.

The article is devoted to the assessment of Russians to their allies in the anti-Napoleonic coalitions – the Austrians, Prussians and armies of other German states. It is based on diaries and memoirs of participants in foreign campaigns of 1813–1815. There was more friendly attitude towards the Prussians, while conflicts with the Austrians arose and hostility took place.

Ключевые слова: Наполеоновские войны, Заграничные походы 1813–1815 гг., союзники, австрийцы, пруссаки, армии германских государств.

Keywords: Napoleonic wars, foreign campaigns of 1813–1815, allies, Austrians, Prussians, German states armies.

Настоящая публикация продолжает тему, начатую автором в 2018 г. Межсоюзнические отношения не исчерпывались проблемами боевого взаимодействия. Действуя на прусской и австрийской территории, русские войска зависели от своих союзников в жизненно важном вопросе снабжения продовольствием, фуражом и т.п. И здесь расчетливые и скуповатые немцы вели себя отнюдь не дружелюбно. «Зная

благородный образ мыслей Государя, который для спасения Европы сделал невероятные пожертвования, немцы торгуются с нами, как жиды, и на каждом шагу представляют препятствия, – возмущался А.И. Михайловский-Данилевский. – Австрийцы говорят о совершенной невозможности продовольствовать Русскую армию, а пруссаки утверждают, что даже и собственные их войска скоро будут претерпевать голод. Мало осталось германских королей и князей, не прибегавших к Государю с просьбой избавить владения их от прохода русских войск...»¹.

Похожую картину рисует в своих «Записках» Н.Н. Муравьев: «По вступлении в Богемию, пруссаки вспомнили старинную вражду свою с австрийцами и обращались там как в неприятельском краю... У нас же русских приказано было вести себя как можно скромнее и потому мы часто переносили обиды от жителей и затем еще оставались виноватыми. Мы часто нуждались в квартирах и пище по недружественным распоряжениям австрийцев; когда же нужда заставляла нас посылать на фуражировку, то по людям нашим стреляли, а после нас же наказывали»².

Простые граждане относились к своим освободителям более сердечно, чем власти. В письмах, дневниках, мемуарах русских участников Заграничных походов тому сохранилось множество свидетельств. Приведем одно из них, принадлежащее А.Ф. Раевскому: «Здесьние жители (г. Лигниц в Силезии. –Прим. автора) скупы до крайности; но нас угощают как нельзя лучше. Один неожиданный случай почти примирил меня со скупостью немцев. Раненый русский солдат, потерявший руку при Кацбахе, подошел к окну моей квартиры. Неприметно окружила его толпа жителей, и каждый с сердечным участием давал деньги. Сначала солдат отказывался принять, как он говорил подаяние; но они почти насильно принудили его взять множество мелкого серебра... Истинное уважение, даже слезы видны были на лицах немцев»³.

Правда, гостеприимство имело и обратную сторону. Мы уже упоминали о том, что между русскими и прусскими солдатами установились дружеские отношения. Они, среди прочего, выражались и во взаимных угощениях. Чем это порой заканчивалось, наблюдал Н.Н. Муравьев: «Прусские солдаты имели более денег чем наши и, называя наших солдат избавителями, водили их в трактиры и потчевали. Они дивились, как наши выпивали водку стаканами, и слушали со вниманием рассказы наших хотя и не понимали их. Пока напиток еще не начинал

действовать, все происходило дружно и миролюбиво; когда же наши, употребляя без меры даровую водку, напивались до пьяна, то заводили ссору с прусаками, драку и выгоняли их с побоями из трактира»⁴.

«С австрийцами такого ладу не было, а на фуражировках бывали и драки», – вспоминал прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка И.М. Казаков⁵. О том же пишет и Н.Н. Муравьев: «Нередко случались драки между нашими солдатами и австрийскими. Мимо идущие прусаки всегда вступались в драку за наших, так как и наши вступались за прусаков, победив общего неприятеля австрийцев, они отправлялись в кабак, где прусаки обыкновенно потчевали русских...»⁶.

Н.Н. Муравьев приводит яркий эпизод, имевший место в г. Теплиц и дающий наглядное представление об отношениях между представителями русской и австрийской союзных армий. Австрийский офицер и русский гвардейский артиллерист добивались благосклонности служанки одной из местных харчевен. Посчитав соперника более удачливым, австриец с саблей набросился на него и легко ранил. Артиллерист вырвал у австрийца оружие и вытолкал из трактира. «Случившиеся тут русские офицеры, в успокоение австрийца, отдали нашего солдата под караул часовому... Наш артиллерист спокойно сидел за часовым; взбешенный же австриец побежал на гауптвахту квартиры фельдмаршала Шварценберга и привел оттуда команду огромных гренадер в медвежьих шапках; их было 19 человек, 20-й был их офицер, 21-й барабанщик и 22-й побитый офицер, который гордо шел впереди отряда и, дойдя до нашего часового, указал гренадерскому офицеру артиллериста. Тот смело подошел, оттолкнув часового, который случился молодой солдат; затем он хотел арестанта взять за ворот, но получил от него такую пощечину, что на ногах перевернулся. <...> Австрийские гренадеры приступили к нашему артиллеристу, вытащили его на середину улицы и атаковали по всем правилам тактики. Собралось множество народа, но артиллерист не робел; он разгонял толпу, через которую поминутно летали австрийские шапки. Уже несколько гренадер привел он в такое состояние, что они не могли более драться, и многим из них разбил лица в кровь; но, наконец, упал, под повторенными ударами прикладов, которыми его безжалостно били в голову. Он получил также одну рану штыком в бок. Австрийцы, победив его, нагнулись, чтобы поднять нашего артиллериста и тащить его к себе в караульную; но он как бы ожил и, вскочив весь в крови, схватил обеими руками два ружья за штыки, один штык перегнул пополам, другой же сорвал с ружья и стал им

защищаться, ранил офицера и нескольких солдат, но не мог долее устоять против такого большого числа людей; однако пробился еще сквозь толпу и, скрывшись в подъезде дома, прислонился к стене. Австрийцы преследовали, окружили и снова начинали бить его прикладами по голове; но артиллерист, схватив двух из них за галстуки и закрутив их, стал душить врагов своих, несмотря на то, что его продолжали бить. Он наконец упал, держа двоих за горло полумертвыми. Прибежавшие на шум русские офицеры отбили артиллериста. Его принесли без памяти в горницу, голова у него была прошиблена в нескольких местах и он имел другие раны на теле. Австрийцы возвратились с подбитыми скулами, в крови, без шапок, а иные без ружей. Случившиеся тут офицеры наши дали несколько червонцев раненому артиллеристу, который нисколько не унывал, когда очнулся. Австрийцы часто отплачивали нам в селениях, где у них повсюду были расставлены залого. Они стреляли по нашим обезоруженным фуражирам, и более одного раза случилось, что убивали их», – завершает свой рассказ Н.Н. Муравьев⁷.

Справедливости ради заметим, что Н.Н. Муравьев пристрастен в своих «Записках». Австрийцев он изображает почти исключительно в негативном свете, в то же время к пруссакам и другим союзным войскам он более снисходителен. В контексте всего написанного Н.Н. Муравьевым об австрийской армии данный эпизод, на наш взгляд, должен был проиллюстрировать враждебность австрийцев к русским, а также их низкие бойцовские качества.

В ходе осенней кампании 1813 г. в лагерь союзников стали переходить воинские контингенты германских государств, сражавшихся на стороне Наполеона. А.И. Михайловский-Данилевский обратил на них внимание, следуя через взятый союзными войсками Лейпциг: «Французские пленные были без оружия, но войски разных князей Рейнского союза, саксонские, баварские, баденские и другие, стояли вдоль улиц в полном вооружении. Смотря на мундиры их, которые мы привыкли видеть издавна в рядах наших неприятелей, трудно было принимать их за союзников наших»⁸.

Одним из самых многочисленных контингентов был баварский. Н.Н. Муравьев дал баварцам высокую оценку, и как врагам, и как союзникам. Он вспоминал баварского офицера, плененного у Бауцена: «Мы обступили одного баварского офицера, которого вели три гренадера; нельзя было не полюбоваться гордому виду его и поступи; он приводил на память древних рыцарей. Роста он был высокого, осанка благород-

ная, и весь в крови; на голове была у него каска с красным волосяным султаном; он молчал и гордо смотрел на нас»⁹. В рядах союзников он сравнивает баварцев с австрийцами, и снова не в пользу последних: «Баварское войско было одно из лучших союзных: офицеры порядочные, народ храбрый; но они особенно отличались склонностью к грабительству и в нем превзошли даже австрийцев, которых, однако, не жаловали баварцы»¹⁰.

А.Ф. Раевский имел возможность познакомиться с Ганзеатическим легионом – добровольческим соединением, сформированным весной 1813 г. из жителей городов Гамбурга и Любека: «Спустя несколько времени по вступлении россиян в Гамбург, происходило и торжественное вошествие войск Ганзеатических. Надобно отдать справедливость, что все они одеты были очень хорошо, особенно гвардия». Он обращает внимание на демократический состав легиона: «...все почти офицеры из самых бедных ремесленников и купцов, даже главный их начальник был прежде кровельщиком». Правда, в оценке боевых качеств этого войска чувствуется скрытая ирония: «Не могу судить об их мужестве, ибо весь круг их действий простирался на несколько миль от Гамбурга до Меллена; только у сего последнего места имели они случай познакомиться с пулями и ядрами. Потеря их во все продолжение похода простиралась человек до тридцати...»¹¹.

«С Лейпцигского сражения, – вспоминал А.И. Михайловский-Данилевский, – начали происходить недоумения между солдатами, которые по соединении всех почти европейских войск под одни знамена не унавали друг друга, а иногда стреляли в своих союзников. Полки держав Рейнского союза, образованные французами, имели мундиры похожие совершенно на французские <...> По прибытии в Труа государь повелел, чтобы русские военные надели белый платок на белую руку, каковому примеру последовали некоторые из союзников»¹². Эта мера, однако, не остановила эксцессы между недавними врагами, превратившимися в союзников. Н.Н. Муравьев вспоминал эпизод сражения при Фер-Шампенуазе: «Виртембергца я застал уже у въезда в город, заряжавшим ружье. Он был обращен к нам задом; приняв его за француза, я приказал изрубить его, и драгун мой ударил его палашом по затылку. Раненый упрекал нам нашу неосторожность, показывая нам перевязку на левой руке»¹³.

Во время второго похода во Францию в 1815 г. русские его участники смогли познакомиться с союзником, с которым им прежде не приходилось взаимодействовать – англо-голландской армией Веллингтона.

А.И. Михайловский-Данилевский присутствовал 27 июля 1815 г. на смотре английским полководцем своей армии. «Англинские войски прекрасны, вид их мужественен; за несколько лет почитались они не способными к сухопутной службе, но ныне мудростью их полководца поставлены они на такую ступень, что могут сравнены быть с лучшими войсками в свете. Они одеты покойно, но не красиво, лошади и конская сбруя удивительны; маневрируют с точностию, хотя солдаты во фрунте стоят слишком нерадиво и нет в них той одиночной выправки, которою русские щеголяют. Вместе с ними учился и корпус нидерландцев, которые должны во всем уступить англичанам: офицеры и люди казались столь же новы в своем ремесле, как и самое королевство, которому они принадлежат, рядовые все почти рекруты и не имеют воинского духа. Находившиеся тут же брауншвейгцы были одеты в черные мундиры; на киверах у них мертвые головы и большие черные перья, флеровая перевязь на руке каждого солдата означала траур по убитом при Катр-Бра герцоге и умножала мрачный вид их войск»¹⁴.

Дневники и воспоминания русских участников Заграничных походов дают богатый материал для характеристики союзных армий. Об одних армиях мемуаристы пишут много и охотно, о других лишь упоминают вкратце. По-видимому, это объясняется масштабами и продолжительностью их взаимодействия с русской армией. Несмотря на субъективность таких источников, повторяемость в оценках у разных авторов позволяет говорить о достоверности картины, которую они дают. А из нее следует, что отношения между союзниками не всегда и не везде были безмятежными, что случались конфликты, порой серьезные, оставлявшие место для взаимных упреков. Это позволяет лучше понять, в каких условиях приходилось действовать русским солдатам и офицерам, вдали от родины, в чужой языковой и культурной среде, в противостоянии с сильным и опытным противником.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Михайловский-Данилевский А.И. Мемуары 1814–1815. Санкт-Петербург. 2001. С. 182.

² Записки Николая Николаевича Муравьева // Русский архив. 1886. № 1. С. 10. (Далее – Записки Муравьева).

³ Раевский А.Ф. Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов. М., 1822. Ч. 1. С. 54–55.

⁴ Записки Муравьева // Русский архив. 1885. № 12. С. 456.

⁵ Казаков И.М. Поход во Францию 1814 г. // Русская старина. 1908. Т. 133. С. 530.

⁶ Записки Муравьева // Русский архив. 1886. № 1. С. 32.

⁷ Там же. С. 32–33.

⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года // 1812 год ... Военные дневники. М. 1990. С. 369.

⁹ Записки Муравьева // Русский архив. 1885. № 12. С. 481.

¹⁰ Там же. 1886. № 1 С. 51.

¹¹ Раевский А.Ф. Указ. соч. С. 43–44.

¹² Михайловский-Данилевский А.И. Мемуары 1814–1815. С. 37.

¹³ Записки Муравьева. //Русский архив. 1886. № 1 С. 94.

¹⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Мемуары 1814–1815. С. 249.